

СУДЬБА РУКОПИСЕЙ ЩЕДРИНА

Сообщение Н. Яковлева и М. Унковского

I. ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЩЕДРИНА

«...Я пошел в кабинет... заглянул в свои книжные шкафы, в ящики письменного стола, в диванные ящики, в особые сундуки, назначенные исключительно для бумаг,— везде были груды, так что если бы собрать все вместе, образовался бы наверное большой воз. Для основательного разбора этих бумаг несколько человек должны бы были убиты, по крайней мере, месяц времени. Бумажный этот хлам копился у меня в течение более 10-ти лет. В нем было все—и целые статьи разных сочинителей, предназначенные к печати и оказавшиеся неудобными для печатания, и бесчисленные черновые листы напечатанных сочинений, разбитые по страницам и перемешанные вместе из нескольких десятков сочинений, и разные счета, и бесчисленное множество писем, писанных в течение десяти лет на имя разных редакций,—все это в течение более 10-ти лет никогда не разбиралось; при переезде с квартиры на квартиру, на дачу и с дачи складывалось охапками в простыни и из простынь таким же образом перекладывалось снова, куда попало. Можно представить себе, какой хаос господствовал в этом хламе! Что было с ними делать? Сжечь? Но как сжечь без разбору? Среди хлама могли завалиться бумаги забытые и ненужные; но которые потом, по востребованию, могут оказаться весьма нужными. Разбирать все это? Но разбирать нужно самому и тщательно, а для этого пришлось бы просидеть за ними месяца три...

Кроме хлама, у меня было пачки три бумаг, действительно дорогих для меня. Это были письма моего покойного отца, письма разных близких ко мне, накопившиеся в течение не одного десятка лет, наброски мыслей, которые я делал по разным случаям, заметки и т. д. Бумаги эти лежали отдельно от всех других в особом помещении конторки... Жечь я их не желал бы никоим образом... Они были слишком дороги для меня по воспоминаниям».

Так описывал свой архив сам Щедрин в 1870 г. в статье «Наши бури и непогоды». Описывал юмористически, изображая «процесс самообследования над собой», в предвидении настоящего жандармского обыска в связи с «Нечаевским делом».

Но за этой юмористикой видна и настоящая картина хранения Щедриным материалов не только своего личного архива, но и тех изданий, в которых ему приходилось участвовать, тех журналов, в редакциях которых он состоял. Учитывая возможность намеренного преувеличения, можно видеть здесь в то же время и настоящие размеры хранимых архивных материалов. Размеры эти были очевидно достаточно велики даже после первых 10—15 лет работы, считая с «Губернских очерков» как настоящего начала литературной работы Щедрина. Сюда входили и редакционные материалы «Современника» и первых лет «Отечественных Записок».

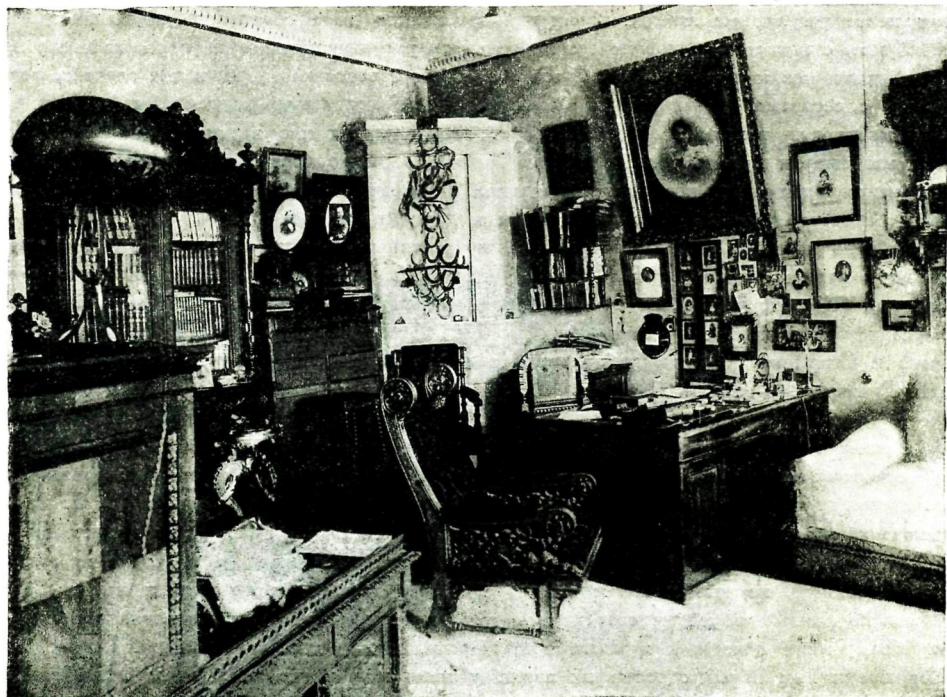
Можно себе представить, какое количество материалов должно было скопиться у Щедрина к концу его редакционной работы в «Отечественных Записках», к 1884 году, и наконец к завершению его жизненного и писательского пути?! Можно опасаться, что ему действительно приходилось прибегать к сожжению части этих материалов из опасения действительных обысков, угроза которых нависла над ним в первой половине 80-х годов. Можно опасаться, что ему приходилось жечь бумаги просто в целях освобождения от «возами» накопившегося «хлама».

Таким образом вероятно еще при жизни Щедрина были ликвидированы, отсеялись драгоценные редакционные материалы журналов «Современник» и «Отечественные Записки». Оставались вероятно только «действительно дорогие» для него самого бумаги. Это—рукописи произведений Щедрина и письма к нему родных, друзей, литературных соратников, журнальных сотрудников и наконец читателей.

После смерти Салтыкова архив остался в его семье сначала у жены, затем у дочери. Но повидимому большая часть рукописей произведений перешла постепенно к М. М. Стасюлевичу и в дальнейшем сохранялась уже в составе его архива. Кроме Стасюлевича с архивом знакомились и другие члены редакции «Вестника Европы», прежде всего А. К. Пыпин и К. К. Арсеньев, а также вероятно В. И. Лихачев и Н. К. Михайловский в связи с предположениями вдовы Е. А. Салтыковой об издании действительно полного собрания (сочинений) Щедрина. Позднее некоторая часть щедринских рукописей осела повидимому и в архиве К. К. Арсеньева. Еще позднее к обоим этим частям—Стасюлевича и Арсеньева—имели доступ члены «молодой редакции» «Вестника Европы» вроде М. Славинского, а также исследователь Щедрина В. К. Кранихфельд. Возможно, что последний имел и личные сношения с Е. А. Салтыковой по поводу оставшейся у ней части рукописей Щедрина. А у ней действительно оставалась некоторая часть, перешедшая затем к дочери Е. М. Салтыковой де Пассано.

Что касается других материалов архива, то они также не лежали совершенно без движения. Известно например, что после смерти А. М. Унковского его жена и Е. А. Салтыкова обменялись письмами своих мужей и взаимно передали их сожжению. Основанием к этому послужил чересчур интимный характер этих писем. Было много словесных вольностей «аттической соли», о которых мы можем судить по сохранившимся письмам Щедрина к А. Л. Боровиковскому. Могли конечно интересоваться своими письмами и некоторые другие близкие знакомые и друзья семьи Салтыковых вроде например В. И. Лихачева, бывшего опекуном детей. Наконец нельзя было бы вполне рассчитывать на желание семьи сохранить целиком письма к Щедрину писателей и читателей. Так с самого момента смерти значительная часть приветственных адресов и телеграмм осталась в распоряжении редакции «Вестника Европы», сохраняясь затем в архивах Стасюлевича и Пыпина. Неопределенная часть писем и адресов продолжала храниться в семье—у жены и дочери.

Дочь Щедрина Елизавета Михайловна Салтыкова вскоре после Февральской революции вышла за границу вместе с мужем и сыном и уже более не возвращалась. Квартира ее оставалась сначала под надзором прислуги, а затем была просто брошена на произвол судьбы. Зная характер К. М. Салтыкова, нельзя было ожидать, что он позаботится об охране архива отца. Еще мальчиком, сразу после смерти Щедрина, завещавшего сыну «паче всего любить русскую литературу», Константин Михайлович проявил свой интерес к русской литературе тем, что выбрал книги с автографами писателей и продал их букинисту (из записных книжек Л. Ф. Пантелеева). В результате квартира оказалась в распоряжении случайно поселившихся в ней людей, и архив постигла обычная судьба: часть его пошла на растопку, часть была выброшена в один из нежилых углов большой квартиры и там была полузасыпана обрушившейся с потолка штукатуркой и подмочена водою, протекавшей сверху. При быстрой смене случайных жильцов среди них оказались наконец и более культурные: провинциальные студенты-техники. Они заинтересовались материалами, часть их собирали и даже подклеили некоторые рукописи (хотя и с ошибками). Но когда пишущий эти строки в начале 1920 г. занялся вопросом о салтыковском архиве и между прочим обследовал и квартиру Е. М. Салтыковой, то в ней обнаружил в описанном выше углу под штукатуркой и рукописи, и письма, и другие материалы. Остальное, собранное студентами, было тут же передано ими. В других комнатных жильцов квартиры и в других квартирах того же дома оказались в пользовании портреты и некоторые предметы обстановки Щедрина. Правда, известный большой портрет работы Ге оказался исчезнувшим (так же, как из квартиры Унковских исчез большой портрет А. М. Унковского работы Ярошенко), а архивом его отапливались чуть не целый год

КАБИНЕТ Е. М. ПАССАНО (ДОЧЕРИ САЛТЫКОВА), ОБСТАВЛЕННЫЙ МЕБЕЛЬЮ И ВЕЩАМИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИМИ ПОКОЙНОМУ САТИРИКУ.

Фотография 1914 г.

Областное архивное управление, Ленинград

случайные жильцы квартиры. Но все же ряд фотографических портретов Щедрина и членов его семьи, бюст Щедрина, кресло и некоторые другие вещи были частью безвозмездно переданы их временными обладателями Пушкинскому дому, частью приобретенны у них. Что касается рукописей и других уцелевших материалов архива Салтыкова, то по договоренности со старшим ученым хранителем Б. А. Модзалевским все они были переданы мною в Пушкинский дом. При этом мною было составлено специальное описание всего этого фонда архивных материалов на карточках, по установленному в Пушкинском доме образцу. Оно включено в печатаемую ниже опись щедринских материалов, хранящихся в архиве ИРЛИ.

Н. Яковлев

II. РУКОПИСИ ШЕДРИНА, БЫВШИЕ У А. М. УНКОВСКОГО

Я лично встречался с М. Е. Салтыковым с самого раннего моего детства, так как отец мой А. М. Унковский, знавший Салтыкова мельком еще с Александровского лицея, где оба они учились (хотя Салтыков был старше моего отца тремя классами), — особенно тесно и почти неразлучно сблизился с М. Е. с 1868 г., когда Салтыков окончательно поселился в С.-Петербурге. Приобретать сколько-нибудь сознательные впечатления от личности М. Е. я, хотя и видел его очень часто, мог разумеется не раньше, как приблизительно с 14—15-летнего возраста. Длилось же мое личное знакомство с М. Е. Салтыковым до достижения мною 21 года, так как я родился 20 декабря 1867 года, а М. Е. умер 28 апреля 1889 г.

М. Е. проводил время в нашем доме большею частью в целях отдыха, при чем более частым способом приобретения этого отдыха была карточная игра, которую Салтыков очень любил, хотя и волновался во время нее и ругался неимоверно. Но более

или менее регулярные личные посещения им нашего дома оборвались приблизительно с 1876 г., с которого состояние его здоровья сильно пошатнулось и удерживало его за редчайшими исключениями дома. С этого времени я встречал М. Е. в тех случаях, когда мы с сестрами посещали детей Салтыкова или исполняли какие-нибудь поручения отца моего или мачехи, А. М. Унковской, приводивших нас в дом Салтыковых. Но если мы бывали в доме Салтыковых, то бывали большею частью подолгу. По достижении мною юношеского возраста я приходил в соприкосновение с М. Е. часто и часто бывал свидетелем бесед его с моим отцом и другими лицами.

Особенно памяты для меня три дня, проведенные Михаилом Евграфовичем непрерывно в нашем доме в 1885 г. в июне, когда М. Е., отправив семью за границу в Эльстер (Саксонский курорт близ границы Чехии), до поездки туда же заехал в б. усадьбу моего покойного отца — село Дмитрюково, расположенное на границе Тверского и Старицкого уездов поблизости от почтового тракта между Тверью и Старицей. В последние 4 года жизни М. Е. мне приходилось видеть его чаще и длительнее в связи с частыми поручениями отца, вызывавшимися обострившейся болезнью Салтыкова и невозможностью для отца во многих случаях по условиям его лихорадочной адвокатской деятельности лично посещать М. Е., когда он бывал нужен больному.

Лет тридцать назад в моем распоряжении было около тридцати писем М. Е. Салтыкова к моему отцу Алексею Михайловичу Унковскому. Письма, в значительной своей части написанные из-за границы, были посвящены главным образом вопросам имущественным, но вместе с тем они содержали в немалом количестве и мысли Салтыкова по разным вопросам современной ему литературы и общественности. Эти письма брал у меня покойный журналист Владимир Богданович Кранихфельд. Вскоре по возвращении им писем обратно их взяла у меня моя мачеха Анастасия Михайловна Унковская и обратно мне их не вернула. Как потом выяснилось, она уступила просьбе вдовы М. Е. Салтыкова Елизаветы Аполлоновны отдать ей все эти письма¹. До перехода ко мне писем в составе их, как я знал от отца, находилась собственноручная рукопись Салтыкова в трех отрывках или вернее как бы выпусках под заглавием «Переписка императора Николая Павловича с французским писателем Поль де Коком». Эта «переписка» пересылалась Салтыковым из-за границы моему отцу и еще в отдельных экземплярах каким-то двум лицам, но кому — не помню². Это шутовское произведение содержало в себе как бы ряд запросов императора к французскому писателю по вопросам об оценке замышляемых будто бы императором в России нововведений, при чем каждое письмо, насколько я помню со слов отца, начиналось обращением: «Господин французский писатель Поль де Кок» и содержало в себе большое число не допускаемых для произнесения «истинно русских» выражений. По содержанию же переписка эта, по словам отца, представляла собою высокий образец проявления остроумия и знания русской жизни и языка.

Эту переписку выпросил у отца для прочтения ныне также умерший товарищ М. Е. и отца моего по лицу Геннадий Васильевич Лермантов, передавший ее, якобы без разрешения моего отца, б. мировому судье в С.-Петербурге, а под конец жизни — сенатору (впоследствии уволенному за политические убеждения) Игнатию Платоновичу Закревскому, от которого эта рукопись М. Е. так и не возвратилась к моему отцу. Весьма вероятно, что рукопись могла попасть еще и к известному талантливому составителю сатирических стихотворений, не печатавшихся, но ходивших в большом числе в списках по рукам, — Федору Лаврентьевичу Барыкову, близкому другу Лермантова. Говорили, что список их имелся у археолога и основателя тверского исторического музея Августа Казимировича Жизневского. Но в архив музея он попасть конечно не мог в виду крайней осторожности Жизневского и если сохранился, то разве лишь у него двух сестер-девиц, выехавших, как я узнал, после его смерти за границу (я имел точную справку из Твери, но сейчас не могу ее восстановить). Есть надежда найти рукопись «Переписки императора Николая Павловича» в семье покойного поэта Александра Львовича Боровиковского, сын которого и сейчас живет в Ленинграде и которому М. Е. мог послать экземпляр рукописи и самостоятельно в виду дружеских между ними отношений.

Весьма возможно, что экземпляр подлинной рукописи лежит у кого-нибудь из близких Закревскому лиц брошенным среди других бумаг, и обладатели его не имеют ни малейшего представления о его ценности. Как я сказал, рукопись «Переписки императора Николая Павловича с Поль де Коком» (я хорошо помню это со слов отца моего) существовала еще в двух экземплярах, переданных Салтыковым еще кому-то из близких к нему лиц. Думаю, что это могли быть также или лечивший его знаменитый врач Сергей Петрович Боткин, которого нельзя не причислить к друзьям

Е. А. САЛТЫКОВА — ЖЕНА САТИРИКА

Портрет 1870-х гг.

Областное архивное управление, Ленинград

М. Е., или издатель Леонид Федорович Пантелеев, или б. с.-петербургский голова Владимир Иванович Лихачев, или наконец писатель на исторические темы Николай Антонович Ратынский.

Если рукопись попала к Лихачеву или Ратынскому, давно умершим, то она могла перейти потом к Александру Владимировичу Лихачеву или к единственной дочери Ратынского, бывшей замужем за служившим в б. Царском Селе в кирасирах Меншиным, уехавшим по отставке (около 1900 г.) в Орловскую или Тульскую губ.

Для сведения лиц, интересующихся изучением личности М. Е. Салтыкова, считаю долгом сообщить, что едва ли могло не остаться письменно изложенных воспоминаний о Салтыкове как редакторе журналов после проведенной с ним всю деловую жизнь Наталии Филипповны Головачевой, бесценно ведшей корректуру «Отечественных Записок», сталкивавшейся с ним в редакциях ежедневно и знавшей все черты М. Е. как редактора лучше, чем кто бы то ни было другой.

Трудно сказать, к кому могли перейти бумаги, могшие остаться после Наталии Филипповны, так как после Н. Ф. потомства не осталось и жившая с ней много лет безотлучно родственница ее Е. Н. Патрикеева и единственный сын последней Павел Николаевич Николаев также скончались. Впрочем, не имея возможности пристально следить за литературой о М. Е. Салтыкове, я не могу поручиться за то, что какие-либо воспоминания Наталии Филипповны Головачевой о М. Е. Салтыкове не были уже где-нибудь напечатаны³.

М. У н к о в с к и й

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дальнейшая судьба этих писем неизвестна. Повидимому в той части архива Елизаветы Аполлоновны Салтыковой, которая перешла к ее дочери Елизавете Михайловне (см. об этом в предыдущем сообщении Яковлева), их не оказалось. Во всяком случае в изданных до сих пор двух томах писем Салтыкова фигурирует только три его письма к А. М. Унковскому, при чем одно из них относится к раннему периоду и два датированы 1876 г.

² «Переписка Николая I с Поль де Коком» создавалась Щедриным и посылалась в письмах к ряду друзей — И. С. Тургеневу, А. М. Унковскому, А. Н. Еракову, А. М. Цеховскому и быть может еще к ряду лиц. Дошедшие до нас отрывки этой «Переписки» опубликованы в первой книге «Литературного Наследства», М., 1931, стр. 191—194.

³ Воспоминаний Н. Ф. Головачевой о М. Е. Салтыкове в специальной щедринской литературе не зарегистрировано.